

ТИМУР ПУЛАТОВ

МЛАДОБУХАРЕЦ ПРОТИВ МЛАДОТРОЦКИСТОВ

5. Съезд младевразийцев

Это был последний съезд писателей, избранных делегатами от единой страны – Советского Союза. Хотя многие из почти 500 делегатов приехали из суверенных республик, они привезли с собой ещё не до конца выветрившийся дух общности, память, ощущение того, что многое значимое было создано, донесено до читателя, переведено на национальные языки, экранизировано, показано на подмостках театров совсем недавно. И писателям, оставшимся на первых порах без издательств, журналов, растерянных перед требованиями новых властей менять идеи, темы, образы, казалось, что словесными заклинаниями можно хотя бы ненадолго вернуться в эпоху, которая ушла безвозвратно. Отсюда и жаркие споры на съезде, обращение к властям не менять привычную литературную среду...

Впрочем, это всё – лишь для историков литературы. Не вдаваясь в подробности, могу рекомендовать им полный стенографический отчёт IX съезда писателей СССР с иллюстрациями, с зарисовками, портретами писателей, с документами, обращениями, изданный “Современным писателем” в 1992 году тиражом в одну тысячу экземпляров и по сей день хранящийся в центральных библиотеках.

Я же пунктирно прочерчу лишь некоторые высказывания делегатов, которые складываются в единую идею – евразийскую. В основном об этом говорили писатели бывшего СССР, делегаты, голоса которых часто в унисон звучали под сводами большого зала Центрального Дома киноактера через дорогу от “Дома Ростовых”. Отмечу попутно, что когда стало известно, что сюда съехались посланцы почти со всего бывшего Советского Союза и что по всем признакам съезд пройдёт без скандалов и дразг, почти все газеты, включая “Спид-инфо”, телевидение, радио, как нам стало известно, по науськиванию Сергея Филатова, президентского администратора, вновь хором выступили против “собрания красно-коричневых”. Проплаченные господами Авеном, Смоленским, Гусинским, они, помимо прочего, позарились на добро, накопленное не одним поколением писателей.

Им подпевали и некоторые писатели, к примеру, Виктор Астафьев, заявивший на “Радио России” 2 июня 1992 года, что он приехал, чтобы присутствовать при похоронах Союза писателей. Так утверждал человек, получив-

ший от Союза писателей все мыслимые и немыслимые награды и почести, недоумевали делегаты. Думаю, это был не закономерный путь патриота и фронтовика, а моральный и психологический сбой.

Одной из самых глубоких и страстных была речь Юрия Бондарева: "... Мы теперь знаем, как и для чего была использована гласность – это была ступень к измене, стратегией которой стала реставрация то ли феодализма, то ли капитализма, отбросившая нашу страну на столетия назад. И наступила пора унижения и бессилия недавно гордой и мощной державы. Поманив демократией и свободой, правящая пресса перестроилась в политиканствующую жестокою машину, она теперь останавливает, закупоривает правду, цинично извращает, умертвляет инакомыслие. Как бы это ни показалось кому-то крамольным, экстремизм так называемой либеральной прессы – путь к тирании, к гражданской войне... Беда той стране, которая приглашает и встречает как героев, как борцов за свободу своих "блудных сынов", покинувших родину в тяжкие для неё дни, отпетых изменников, предлагая им для высокомерных поучительных статей и снисходительных интервью страницы газет и журналов, заглядывая в глаза с подобострастной готовностью упасть на колени в покаянном упоении восторга и умиления. Кто виноват в этом проституировании демократией и свободой?"

Уже многие понимают, что атлантическая оккупация нашей евразийской культуры превращает её в серую студенистую космополитическую топь, бескровную и дряхлую, способную втянуть в себя и задушить всякий живой талант любой национальности, высосать все соки, питающие его..." (см. стенограмму съезда. С. 35–36).

Жаль, что не могу процитировать полностью речь Юрия Васильевича, она была злободневна не только когда произносилась – в июне 92 года, но и во все последующие два десятилетия, и вплоть до наших дней. И будет и далее напоминать о наших болях, потерях; о глумлении над гражданами нашей страны, над их чувствами, верованиями и достоинством со стороны продажных средств массовой информации. Ведь сегодня, как и тогда, не покидают экраны телевизоров, страницы газет и сайты интернета разные гельманы-сванидзе-ерофеевы-парфёновы...

Слова Бондарева о том, что не в евро-атлантическом, а в близком всем нам евразийском духовном пространстве зарождающиеся национальные элиты и "новая литература" способны сохранить свою самобытность, традиции и культурные особенности, были близки и понятны делегатам. Вот краткие цитаты из выступлений (взяты из стенограммы):

Б. Худайназаров (Туркменистан): "Мы приехали сюда, чтобы провести наш очередной IX съезд писателей. Что ждёт наше сообщество, долго ли оно проживёт – это волнует не только меня, но и всех литераторов Туркменистана. Но если нас будет вдохновлять в творчестве евразийская идея, жгучая мысль, зародившаяся в степях Казахстана, на просторах Средней Азии и равнинах России, то я уверен – за нашим сообществом – будущее..."

А. Джакшылыков (Киргизстан): "Хотя мы являемся писателями ныне суверенных республик, тем не менее, мы глубоко осознаём, что мы вечные соседи, наши народы будут жить рядом... Надо постараться не терять Евразию – это наша историческая судьба..."

А. Нурпеисов из Казахстана заметил, что: "...мне – не экономисту, не политику – культурное человеческое пространство Евразии куда важнее, нужнее и необходимее даже нашего священного экономического пространства". С позиций 2012 года можно сказать, что казахский прозаик оказался провидцем: ведь ныне политики заговорили о едином экономическом пространстве Евразии.

Не поздновато ли, господа?! Ведь то, о чём первыми заговорили писатели на своём IX съезде, к чему стремились – к евразийскому духовному пространству, – вами же, политиками, было разорвано и дискредитировано. За прошедшие двадцать лет, переписав историю евразийских народов в угоду своим кланам, улусам, племенам, заменив кириллицу на латиницу, словно вера наших предков – католицизм, лишив своих граждан возможности читать Толстого, Достоевского, Чехова, Шолохова, Леонова (книги которых написаны кириллицей, а также книги по медицине, геофизике, механике, космонавтике), разрезали на маленькие уделы живую ткань Евразии. И через нарезанные границы, многие из которых искусственные, особенно в Средней Азии, обви-

няют друг друга в голодоморе, Холокосте, раскулачивании, сталинизме, застое, фашизме – во всех грехах.

Возможно, при таком жёстком размежевании начала 90-х и удастся создать евразийское экономическое пространство, но без некогда единой духовной среды, без духовной взаимосвязи, без взаимосвязи культур и литератур экономические отношения превратятся в обыкновенный бартер. Нефть и газ в обмен на хлопок и фрукты, белорусский трикотаж и ивановский ситец – в счёт арендной платы за космодром Байконур. Представителям колониального капитализма невыгодно объединение. В России же доля национального капитала ничтожно мала. Здесь больше, чем в Казахстане или Белоруссии, крутятся средства колониального капитала, к коим отношу тех, кто живёт за границами страны, обучает в Лондоне своих отпрысков, которые почти все, за редким исключением, не вернутся в страну, где нажили богатство...

Искренне ратовали за евразийскую духовность, её возрождающую силу Леонид Леонов, приславший приветствие съезду, Валентин Распутин, Расул Гамзатов, Борис Можаев, Михаил Алексеев, Мустай Карим, Пётр Проскурин, Алим Кешоков, Сергей Михалков, Олег Волков...

Мне же, помнится, было приятно слышать Юрия Васильевича Бондарева, предложившего мою кандидатуру первым секретарём вновь созданной организации – Международного Сообщества писательских союзов (МСПС), и особенно его слова о том, что состоялось примирение и что блокада с нашего российского “сектора Газа” снята:

“... Пулатов принимал решения не экстремистские, не придерживался тех крайностей, которые всех нас уже раздражают до предела, а придерживался разумения. Более того, я, например, был с ним в конфликте до определённого времени. Пусть он на меня не обижается и не вспоминает. Я уже забыл, я ему высказывал очень резкие вещи, да, так было. Но потом в течение нескольких месяцев, когда образовался наш оргкомитет, проходило не так уж всё просто, было всё в трениях, в поисках истины, правильных решений. Я пришёл к совершенно для меня бесспорному выводу: Тимур Исхакович Пулатов должен быть сейчас во главе нашего Сообщества. Потому что он обладает теми свежими качествами, которые необходимы нам сейчас...” (стенограмма. С. 88).

Джеймс Джойс в своей исповеди “Портрет художника в юности” говорил, что, среди прочего, успешный литератор должен обладать и двумя другими качествами – молчанием и хитроумием. Во время съезда я убедился, что русские и другие писатели-евразийцы не проявляют ни одного из этих качеств. Хитроумие, добавлю – и двоемыслие, двурушничество – это психологическая и моральная черта писателей западно-либерального толка, знакомых нам младотроцкистов.

Пока мы увлечённо и простодушно шлифовали грани новой объединяющей идеи, младотроцкисты стаей шли за нами по пятам. Штаб-квартирой тех, кто был изгнан из “Дома Ростовых”, стал Литфонд на Усиевича, у Огнева. Оскоцкий и Анфиногенов сочиняли проекты будущих правительственных решений и через Тимура Аркадьевича Гайдара передавали их Егору Гайдару и Юрию Лужкову. Всё по тому же поводу – имущественному.

Первый “привет” съезду поступил аккурат на второй день, нарочным. В пакете от Ю. Лужкова, с которым ознакомил делегатов Сергей Лыкошин. Заготовленное и датированное загодя – 22 мая 1992 года – послание гласило: “Правительство Москвы. Премьер. Распоряжение. О передаче на баланс Управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы здания Центрального Дома литераторов (строение 1 по ул. Воровского, 50 и дома 53 по ул. Герцена...)”. Главному рейдеру Москвы вовсе было неважно, что ЦДЛ на ул. Герцена не является памятником культуры и построен на средства писателей их Союзом. Здание, которым теперь вовсю распоряжались господа Носков и Алешечкин с прицелом на приватизацию.

А к 4 июня, последнему дню съезда, подоспел и правительственный курьер, офицер фельдъегерской службы с распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июня, составленным в самый канун съезда, о передаче имущества Союза писателей СССР Госкомимуществу, возглавляемому небезызвестным А. Чубайсом. Первый вице-премьер Е. Гайдар отдавал чужое, общеписательское имущество, накопленное тремя поколениями литераторов, на ответственное хранение своему дружку! Тот, как известно, не жалуется даже Фёдора Михайловича Достоевского и ничего, кроме физической

ненависти (по его известному выражению), к этому писателю не почувствовал, перечитав его “всего”!

Из всех тех, к кому делегаты съезда обратились с призывом защитить их имущество от грабительской приватизации – Б. Ельцин, А. Руцкой, ген. прокурор В. Степанков, министр юстиции Н. Фёдоров и многие другие, – лишь тогдашний председатель Верховного Совета Р. И. Хасбулатов наложил на наше письмо следующую резолюцию: “Е. Т. Гайдару. Прошу пересмотреть решение: достаточно множество врагов. Писатели всех республик стремятся к реальному единению, чего мы, политики, ещё не в состоянии делать (или сделать). Что Вам даёт это решение? Кто Вас науськивает? Зачем провоцировать общество, интеллигенцию? Вы думаете об этом? Отмените Ваше распоряжение и дайте возможность литераторам спокойно работать. У Вас мало иных проблем? Р. Хасбулатов, 3 июля 1992 г.” (стенограмма. С. 136).

Не пересмотрел Гайдар решение, не отменил распоряжение. Папа из Литфонда не разрешил. Пришлось судиться за отмену распоряжения Гайдара и Лужкова в Высшем арбитражном суде. А в это время пришло предписание из ведомства А. Чубайса сотрудникам МСПС: в недельный срок освободить “Дом Ростовых”. В случае отказа грозились прислать ОМОН.

С. В. Михалков дозволился до вице-президента Александра Руцкого и повёл делегацию писателей к нему на приём.

Бравый генерал, участвовавший в форосском спектакле Горбачёва, слушал наши доводы рассеянно, было видно, что гайдари-чубайсовская команда сделала из него чиновника, хотя и высокого ранга. Пробежав усталыми, посеребрившими от забот глазами наше обращение о помощи, Руцкой взял его и вышел в соседнюю комнату с узкой дверью за креслом (должно быть, положил его в один из пяти своих знаменитых чемоданов “компромата”, которыми он пугал ельцинских чиновников), а вернувшись, заявил:

– Если придут омонцы – сразу же звоните мне!

Все оставшиеся дни до разбирательства нашего иска в Высшем арбитражном суде сотрудники заходили во двор с опаской, а на протяжении рабочего дня поглядывали в окна кабинетов в ожидании марширующих мимо памятника Толстому храбрых гайдаровских омоновцев. Не выдержав напряжения, уволилась Клавдия Матвеевна Ковалёва, не побоявшаяся в своё время разоблачить ложь Черниченко. Моё же нервное напряжение причудливым образом перетекало в ностальгию по письменному столу. Но сколько бы ни сидел перед белым листом бумаги, не мог связать даже нескольких слов. Желая напомнить о себе как о прозаике, передал отрывок из начатого ещё в Ташкенте романа “Заложник империи” о Чингисхане в газету “День”.

Когда я поехал в редакцию вычитать гранки, Александр Андреевич Проханов познакомил меня с Раисой Николаевной Любимовой – арбитражным судьёй, к которой попал наш исковый спор с Гайдаром, Чубайсом, Лужковым и компанией. Раиса Николаевна в дополнение к материалам расспрашивала меня об истории захвата группой Евтушенко Союза писателей и о том, как развивались события в писательской организации до IX съезда.

Проханов поставил передо мной микрофон, видимо, желая запечатлеть для истории писательскую борьбу. Я назвал компанию младотроцкистов: Черниченко, Оскоцкого, Нуйкина и иже с ними – “скопищем тли на живом теле культуры”.

В очередном номере “Дня” мои резкие высказывания в адрес оппонентов были выделены особо, но я нисколько не сожалел об этом, вдохновлённый тем, что коллегия судей во главе с Р. Н. Любимовой признала МСПС правопреемником имущества СП СССР, отменив распоряжения правительства и мэрии в отношении Литфонда и ЦДЛ.

Но праздновали победу мы недолго. В. Огнев подал встречный иск в Президиум Арбитражного суда о признании правопреемства МСПС незаконным. Его поддержало правительство Гайдара и Госкомимущество Чубайса.

В сырых, изъеденных грибок коридорах суда мы узнали, что Раису Николаевну Любимову, бросившую вызов “сильным мира сего” – Гайдару–Чубайсу–Лужкову, – уволили по звонку госсекретаря Г. Бурбулиса. Так что “басманное правосудие”, о котором воят в наши дни либеральные газеты, было создано ещё в начале девяностых.

Под давлением приспешников Ельцина Президиум ВАС отменил прежнее решение. Действие Устава МСПС было приостановлено с требованием убрать

из него параграф о правопреемстве, что развязало руки тем, кто желал присвоить себе жалкие крохи из того богатого имущества, каким владел прежний СП СССР. Нам предлагалось созвать внеочередной съезд, чтобы объявить МСПС имущественным банкротом. Кроме того, заблокировали и наш счёт в банке. Пока не был проведён внеочередной съезд МСПС, не было денег не только для зарплаты сотрудникам, но и для покупки чернил и скрепок. Но все сотрудники выходили на работу, продолжая трудиться, в качестве платы получая лишь бесплатный обед.

Так прошёл почти год, до октября 1993-го — из одного заседания суда дела перетекали в другое заседание. К МСПС было подано двенадцать исков — по одному в месяц! — от имущественных до трудовых... Власти различного уровня пользовались ситуацией, чтобы отобрать у писателей последнее имущество и передать своим ненасытным прислужникам — младотроцкистам.

Уже назревал кровавый конфликт между законодательной и исполнительной властью в масштабах всей России...

Беседа в газете “День”, где я обозвал младотроцкистов “скопищем кровососущей тли”, окончательно рассорила меня с Андреем Битовым, с которым мы дружили почти четверть века. После шумного обсуждения моих слов на исполкоме Пена с жалобой на меня в Лондон, в штаб-квартиру г-на Блока, вылетел всё тот же В. Огнев, оставив на хозяйстве в Литфонде папашу Гайдара.

Блок через “Литературную газету” потребовал у меня извинений перед оскорблёнными коллегами-пеновцами. Но в чём, собственно, было извиняться? Тля — мелкое, почти невидимое существо, создание Божье. Радовались бы ещё, что я не назвал их “троцкистозаврами” или “пролеткультюкантропами”... зуб на меня точили давно, это был лишь повод.

Финалом всему стало моё интервью Ефиму Лямпорту на страницах “Независимой газеты”.

Вопрос: “Вас исключили из международного Пен-клуба. В статье в “Литературной газете” сказано — за антисемитизм. Вы можете прокомментировать это?”

Ответ: “Меня обвинили в расизме. Я тюрк, принадлежу к жёлтой расе. Поскольку XXI век прогнозируется как век господства над миром “жёлтой расы”, то, должно быть, я воплощаю собой “образ врага”. Я писал в Пен-клуб, в Лондон, что мне не за что извиняться... Но когда понял, что доказать невозможно, сам подал заявление о выходе из Пена. Но оказывается, в Пене всё, как в Компартии. Войти можно, но выйти добровольно нельзя: надо обязательно пройти унижительную процедуру исключения: “партбилет на стол!” Признаться, у меня даже полегчало на душе. Я был на конгрессе Пен-клуба в Вене, на заседаниях русского Пена в Москве: элитарный клуб, рассуждения с бокалом шампанского в руке на темы: гениальность и помешательство... как по Ламброзо. А в Вене — по тонко рассчитанному сценарию поддержки писателями агрессивных политиков, как по Троцкому. Не мне судить — гениальность это или помешательство, если члены русского Пен-центра требуют в эти окаянные дни не “милости к падшим”, не мудрости, не умиротворения”.

Вопрос: “Выходит, рассчитывать не на что? Сильным мира сего выгодна такая ситуация?”

Ответ: “Конечно, сильным мира нужны крикуны, нужна идеологическая подкладка. Эти люди кричат: “фашисты, шовинисты!”... Отними у них это, они испарятся, исчезнут, потому что за душой у них пусто”.

Чтобы завершить рассказ о моём недолгом членстве в Пен-клубе, скажу, что в том же году по решению конгресса в Сантьяго-де-Компостела среднеазиатский Пен-центр был распущен. Решили: при создании центрально-азиатского центра тщательно проверять взгляды и предпочтения кандидатов на членство, дабы, в соответствии со статьёй 3 Хартии клуба, исключить проникновение в его ряды “расистов, антисемитов, апологетов жёлтой расы, исламистов, гомофобов”...

Идеологическая проверка новых членов центрально-азиатского Пена продолжалась десять лет. Для этого в Бишкек и Ашхабад прилетал функционер г-на Блока, некто Юкка, финн. И лишь после самой строгой проверки на благонадёжность бишкекский Пен-центр получил членство в клубе.

Во время кровавой резни между узбеками и киргизами в Оше несколько лет назад я ждал, что мои бывшие коллеги по среднеазиатскому Пену пойдут

в народ, дабы остановить погромы и поджоги, насилие над женщинами и детьми, руководствуясь статьёй 17 Хартии клуба о недопустимости межнациональной розни. Не пошли... Говорят, так и не дождался указаний из лондонской штаб-квартиры.

6. Младотроцкисты призывают: “Раздавить гадину”

За теми двенадцатью судебными исками к МСПС, о которых я упоминал, мы не заметили, как приблизились к трагической развязке событий не только для писательской организации, но и для всей страны. Маленьким отражением глобальной беды были страсти в “Доме Ростовых”. О днях, предшествующих октябрьскому перевороту 1993 года, написано немало, в основном теми, кто считал кровавый исход власти Советов неизбежным. Более того, либеральная пресса утверждала, что стрельбой из танковых орудий разбита вдребезги последняя преграда на пути к демократии и процветанию России в семье европейских народов...

Не вдаваясь в многосложные перипетии случившегося государственного переворота, отмечу лишь историческую роль в нём творцов художественного слова из числа всё тех же младотроцкистов.

Но прежде чем Господь лишил их разума, время лишило их читателей. Они ударились во все тяжкие, чтобы как-то свести концы с концами. Кумиры самой читающей публики в мире, свободные теперь от моральных обязательств перед этой публикой, сполна отдались тёмным страстям.

На моих глазах, после растерянности и шока послеавгустовских дней 1991 года, читающий люд превратился в многомиллионную армию “челноков”. Ранее не выглядывавшие за “железный занавес” потомки Афанасия Никитина и Ермака устремились с баулами в разные концы света, удивляя живучестью и предприимчивостью, осваивая неведомые ранее тропы, где до них ступали лишь ноги Евтушенко, Вознесенского, Приставкина, Шатрова, балерины Майи Плисецкой и танцоров ансамбля Моисеева...

И всё же суровая реальность гайдаровских времён требовала своей дани. На Калининском, где я жил в служебной квартире, из дома, заселённого сотрудниками бывшего Министерства металлургии СССР, почти ежедневно выносили трупы пенсионеров, не имевших средств даже на сердечные капли.

Прогуливаясь иногда по набережной Ново-Арбатского моста, где грязная и пахнущая хлоркой вода выплёскивалась к моим ногам, я по плавающей обуви подсчитывал число утопленников. Обувь, отделившаяся от падающего тела, плыла по своим законам – вверх стёртым каблуком.

Выше, у Котельнического моста, где покачивался теплоход “Юрий Гагарин”, переоборудованный под ресторан, до утра слышался смех и визг дамочек, вовлечённых в игры гламура. У дамочек снимали туфельки, наливали в них шампанское и, выпив шипучее, кавалеры пускали их по реке. Туфельки, не вписываясь в закон тяготения, не тонули, а плыли от одного водного ресторана к другому носами кверху, отталкиваясь от обуви утопленников каблуками.

Туфельки, наполненные шампанским, называли “канонеркой славы”. Среди писателей поговаривали, что сие развлечение привёз из какой-то европейской страны Евтушенко.

Как и в любой период жизни, и теперь трагедия разбавлялась фарсом. Личная трагедия пришла и в мою семью. Газета “Коммерсантъ” в номере от 9 октября 1992 года под ёрническим заголовком “Писатели тоже плачут” писала: “Между тем, спор в литературной среде решается и неправовым путём. 22 июля 1992 года, после регистрации МСПС, в день рождения секретаря Тимура Пулатова его старшая дочь упала с пятого этажа из окна своей квартиры в Ташкенте. Жертва лежит в больнице с черепно-мозговой травмой, переломом бедра и позвоночника. Придя в себя, девушка рассказала, что её окликнули с улицы, в этот момент кто-то (возможно, сообщник) проник в квартиру и толкнул её вниз. По мнению сотрудников МСПС, девушка пострадала из-за работы отца...”

В декабре, когда врачи разрешили перевозить дочь поездом, я привёз её в Москву для лечения в клинике Валентина Дикуля, которую она посещала вместе с С. В. Михалковым, страдавшим болями в суставах. Оказалось, что в Ташкенте неправильно сложили ей кости раздробленной ноги. И я сильно

пожалел, что дочь, оказавшись в Москве, как и все москвичи, окунулась в гнетущую атмосферу противостояния властей, что сильно угнетало её психику.

Уходя из дома, я запрещал ей смотреть телевизор, который снова, как и в 1991 году, раскалялся от таких выражений, как “коммунофашисты”, “красно-коричневые”. То, что ранее было опробовано прессой на писателях, теперь относилось и к депутатам Верховного Совета, противостоявшим Ельцину.

Но чем было отвлечься девушке от нестерпимых болей, без знакомых и подруг, встающей с кровати лишь изредка, держась за стены? Лишь вечером я отрывал её от экрана телевизора, где натуральная жизнь стала всё больше переходить в виртуальную благодаря не техническим достижениям, а изворотливости шмулей, выдающих ложь за истину, подающих всё так, чтобы сам чёрт, разбираясь во всём творящемся, обломал себе рожки.

В сентябре, когда мы возвращались с дочерью с коротких пеших прогулок, на экранах опять замелькали нуйкины–черниченки–баклановы, требовавшие от Ельцина разгона и запрета “фашиствующих” депутатов, “стоящих на пути мира, прогресса и демократии”. Какое-то время, не видя их и не слыша, думал: куда подевались эти заморыши? Уж не эмигрировали ли в Америку или в Израиль следом за Рыбаковым, Евтушенко и Дементьевым?.. Нет, оттачивали перья, присваивая врагам эпитеты из словарного наследия Л. Д. Троцкого. И самый момент был, чтобы Александр Руцкой, который вскоре были запрет вместе с Русланом Хасбулатовым и сотнями депутатов в “Доме Советов”, раскрыл свои пять чемоданов с компроматом на ельцинское окружение! Среди бумаг в этих чемоданах и писательское заявление в отношении рейдеров – Гайдара, Чубайса, Лужкова, – но что-то молчит генерал!

В это предоктябрьское лето сам воздух, насыщенный ненавистью и страхом, казалось, давал искру, пробегавшую пламенем по крышам домов. Старожилы говорили, что столько пожаров в Москве не случилось со времён нашествия Наполеона...

В один из вечеров машина, на которой мы ехали в клинику Дикюля, не могла проехать к Останкино из-за полыхающего деревянного дома, на котором сохранилась часть вывески: “Дом пионеров “Гудок”. Картина так поразила мою дочь, что она впала в депрессию, отказалась заниматься с Дикюлем, жалуясь на усталость и не веря в успех лечения.

Дополнительный стресс она пережила, когда в третьем часу ночи раздался телефонный звонок. Думая, что звонит мама из Ташкента, подняла трубку и слушала с ужасом на лице. Выхватив у неё трубку, услышал чей-то незнакомый голос с хохотком: “Горит “Дом Ростовых!”. Выбежал на балкон двадцать первого этажа, откуда просматривалась часть Поварской. Над квадратом Дома – клубы чёрного дыма, разрезаемые всполохами огня...

Ворота “Дома Ростовых” и прилегающая улица были загорожены четырьмя пожарными машинами. Ещё три работали во дворе. Майор, руководивший тушением, запретил приближаться к дому, из окон которого пожарные выбрасывали вниз папки с бумагами, стулья...

Неподалеку живший Валерий Поголяев, оставляющий на ночь в нашем дворе свои “Жигули”, появился с овчаркой. И долго втолковывал майору, кто я.

– С ним будет разговор особый, – махнул рукой в ответ майор.

Сидя на холодном постаменте памятника Толстому, я не мог сосредоточиться. Думалось:

“Всё... Пора возвращаться в Ташкент... Там дочь от обилия солнца, фруктов снова оживёт...”

Поголяев исчез куда-то в полутьму, затем по храпу собаки я понял, что сосед возвращается, чтобы оценить, стоит ли перегонять машину подальше от пламени.

Лишь к утру, когда стало рассветать, пожар потушен, хотя пар вокруг дома стелился ещё пару суток.

– Это поджог? – спросил я майора, вспомнив угрозы тех, кого Салуцкий выставил за дверь.

– Поджог – событие труднодоказуемое, если на месте преступления не пойманы люди с канистрами бензина, – уклончиво ответил он и сурово добавил:

– Мы обязаны поставить в известность Юрия Михайловича Лужкова, поскольку это памятник в центре города... В таких случаях мэр принимает кру-

тые меры. Даже за лёгкое возгорание были выселены академики из старинного особняка – филиала Академии наук. А скандал между вашим писателем Проскуриным и режиссёром Никитой Михалковым из-за главенства в Фонде культуры? Оба они могут лишиться особняка на Гоголевском бульваре. – Сделав паузу, майор чуть понизил тон:

– Если не хотите скандала, разбирательств и судебного преследования за ненадлежащий противопожарный контроль – вот наш счёт. – И протянул бумагу. – Переведите три миллиона рублей как благотворительную помощь. Помпа плохо качает воду, рукава прохудились, не обновлялись с брежневских времён... А нынче – видите, всё в Москве горит, будто француз у кремлёвских стен...

Валерий Поволяев, глядя на всё со стороны, делился потом своими впечатлениями:

“... Мы с Пулатовым, наблюдая, как трудятся пожарные, завели разговор о легендарном доме. Он вспомнил, что впервые пришёл сюда тридцать лет назад и удивился: такой дом, а ухода за ним нет – колонны обшарпанные, рассыпаются, фасад облезает... Не думал, не гадал в ту пору Пулатов, что приводить этот дом в порядок придётся ему, ещё и пережив ночной пожар. Уже утром, после пожара, он встречал во дворе сникших, растерянных сотрудников. Сникать было от чего – МСПС приказало, похоже, долго жить. Пулатов, как мог, утешал:

– Всё будет хорошо, восстановим. Здание будет ещё краше.

Так и случилось. Хотя выпадали и трудные минуты, когда даже Сергей Михалков, старший из нас, говорил:

– За это может взяться только сумасшедший...

Сергей Владимирович был прав. Но прав был и Тимур Пулатов, не опустивший руки...” (“Парламентская газета”, 23.07.1999).

Легко было сказать пребывающим в уныние сотрудникам: мол, дом наш восстановим, будет он ещё краше. Но на какие шиши?.. Бросили клич о помощи. Союз писателей России выделил на ремонт 50 тысяч рублей; Сергей Владимирович Михалков, воспользовавшись старыми советскими связями в мэрии, “пробил” двести тысяч, а чтобы закрасить следы поджога, требовалось навскидку до 2 миллионов. Ходили с Анатолием Жуковым, отдавшим издательство Арсению Ларионову и перешедшим работать в МСПС, с пустой сумой по арендаторам. С ними сложно. Поначалу улыбочивые люди в малиновых пиджаках переводят фирму в левый флигель “Дома Ростовых” или занимают почти опустевшую Иностранную комиссию, а после месяца дружбы с писателями перестают платить. Консультант по русской литературе Юрий Дудин, наиболее поднаторевший из всех нас в плавании по мутному рынку, на глазок отбирал для нас вроде добросовестных хозяйчиков-благотворителей, нередко конфликтовал с неплательщиками, пока его не нашли убитым на одной из пригородных станций. Расследование смерти не довели до конца, несмотря на наши просьбы: то ли милиция “крышевала” бандитов, то ли бандиты – милицию, словом, срослись в братстве колец...

Так что, пока мы с трудом передвигались по “Дому Ростовых”, отряхивая с одежды следы копоти и золы, “нерукопожатные” (по выражению В. Кожинова) писатели-младотроцкисты сочиняли манифесты один жёстче другого, требуя от Ельцина силового разгона Верховного Совета. Отвращение к провокаторам сотрудники пытались разбавить иронией. Мол, нам бы, собирающимся на субботники по расчистке двора, ваши заботы.

7. Развязка. “Русский Нюрнберг” и Завещание несдавшихся...

Пятого октября 1993 года телеканалы начали день с повтора сюжета: выход Хасбулатова и Руцкого в наручниках из тлеющего здания Дома Советов. Следом за автозаком, увозившим “узников Конституции” в Лефортово, на экране, сменяя друг друга, показались лица Приставкина, Астафьева, Нуйкина, Бакланова, академика Лихачёва. Что скажут на сей раз те, от которых разило духом смердяковщины? Почти то же самое, что наш давний знакомый Черниченко, заснятый в окружении случайно встретившихся ему на площади беспечных молодых людей. Один из них трепетно признался бывшему землеуст-

роителю, похожему на землемера, блуждающего вокруг замка из романа Кафки, с каким восторгом наблюдал он с девушкой за обстрелом Дома Советов и принял твёрдое решение стать офицером. По ракурсам, светотеням мне, имевшему опыт, хотя и отрицательный, работы в кино, было видно, что весь этот спектакль под названием “Писатель Черниченко в окружении ельцинской молодёжи” заранее срежиссирован якобы “случайно оказавшимся на площади” телеоператором. Из перекошенного рта наставника молодых слышались выкрики: “Борис Николаевич, раздавите гадину! Это последний шанс дать этим молодым людям свободу!”

Подруга будущего “защитника родины”, натягивая к коленям короткую джинсовую юбочку, призналась репортёру:

— Вау! Было круто! После каждого попадания снаряда в окно я кричала: “Вау!”

Почудилось, что низкий потолок служебной квартиры опустился к макушке головы. Почувствовав нехватку воздуха, бросился к лифту. Как и в прошлые разы, кабина намертво застряла между 16 и 17 этажами. Спускался по тёмной лестнице боком, чтобы пропустить шагающих с частыми остановками вверх соседей.

Я двинулся в сторону Поварской с чувством обречённости: если патруль проверит документы, дело закончится моей высылкой за пределы России — как злостного нелегального гастарбайтера. Ведь по наущению младотроцкистов хозяин Москвы так и не выдал мне ордер на квартиру А. Рыбакова. Недостоин...

Калининский проспект, к счастью, был пуст — ни патрулей, ни прохожих. В тишине были слышны одиночные выстрелы. Из-за близости Москва-реки неутраченный здесь ветер приносил запах гари из обстрелянного дома на Краснопресненской набережной.

Но тишина даже на Поварской оказалась обманчивой. Уже у самых ворот “Дома Ростовых” неожиданно возле моего уха просвистела пуля.

От страха прижался телом к металлической ограде, не сообразив, что становлюсь хорошей мишенью для снайпера, засевшего, как я догадался, на крыше дома, где проживал Михалков. Город был полон слухов, что ельцинистам разогнать толпу, устроившую многодневное стояние вокруг Дома Советов, помогали американские морпехи, охранявшие посольство США, а также некие загадочные бейтаровцы, историю возникновения и деятельности которых в России исследовал Станислав Золотцев. Официально зарегистрированная в Москве как “культурно-просветительская и творческая организация” в 1989 году, “Бейтар” до августа 1991 года старалась не светиться на публике, и всякое упоминание о ней, как и о “Протоколах сионских мудрецов”, считалось либеральными СМИ провокацией и выдумкой фашистов.

“...И, наконец, настал Кровавый Октябрь, — пишет С. Золотцев, — вот тогда-то, в девяносто третьем году, “крепкие ребята” развернулись во всю сионистско-молодёжную силушку, вот тогда-то многие москвичи, вставшие на защиту законного парламента, узнали на своих спинах и головах, что такое “Бейтар”!.. После фактического разгона Комиссии, которая должна была разбирать обстоятельства кровавых событий Октября-93, собранные ею материалы (киносъёмки, видео- и аудиокассеты, свидетельства очевидцев и участников с обеих сторон) наглухо заперты в недрах “компетентных органов”. И, однако, “утечки” информации из этих “недр” происходят. И уже не только оппозиционные органы прессы не раз (хотя и глухо — ещё бы, на “святое” замахиваются!) упоминали о том, что в разгоне митинга на Смоленской площади и в избиении стихийно возникших демонстраций, в погромах и издевательствах над защитниками Верховного Совета после штурма — всюду участвовали “крепкие ребята” в камуфляже зарубежного производства и с шестиконечными знаками, либо в серо-стальных униформах, но на иврите и на английском говорящие... Ряд газет, прежде всего, “Независимая” (не потому ли у неё начались крупные неприятности?), не раз писали о небезызвестном “демороссе” В. Боксере как о “кураторе” боевых действий бейтаровцев той кровавой поры” (С. Золотцев, “Бейтар шагает впереди”, сайт “Пандора”).

К воротам, где я прижался, вздрогнув от выстрела снайпера с крыши дома напротив, уже подошли наши сотрудники, начинавшие утро с похода к зданию Верховного Совета, обнесённого колючей проволокой. Лужков, испробовавший метод энергетической блокады на квартире В. Распутина, теперь

перекрыл воду, электричество, сток канализации тысячам граждан-защитников Конституции, засевшим внутри многоэтажного здания.

Сегодня же наши сотрудники, паломничавшие к Дому Советов и после работы, чтобы постоять в живом кольце защитников непокорных депутатов, стали свидетелями кровавого финала противостояния. Молча проходили мимо, пряча глаза. Маленькая хозяйка канцелярии Нина Юсуфи, казавшаяся сдержанной, пряча эмоции, вытирала слёзы, Людмила Власова из отдела творческих кадров возмущалась позорищу, который наблюдал весь мир по прямой трансляции американского канала CNN.

Во дворе нас нагнал поэт Феликс Чуев, избранный секретарём исполкома вместо ушедшего Бориса Шереметьева. Следом за ехидно улыбавшимся Чуевым, прихрамывая, опираясь на трость, шёл Анатолий Жуков – летописец МСПС со дня воцарения там Евтушенко, с последующим изгнанием его сподвижников.

– Ты так довольно улыбаешься и потираешь руки, будто сбил не одного, а нескольких снайперов? – мрачно пошутил он, обращаясь к Феликсу.

– Всё, как предсказывал Иосиф Виссарионович, – ещё шире заулыбался Чуев, обнажив редкие зубы. – Вячеслав Михайлович Молотов вспоминал, как Сталин сказал, обращаясь к ближнему кругу: после моей смерти вы перекусаете друг друга, как щенки, и в стране наступит смута длиной в сто лет.

После прихода Чуева в МСПС к нашей организации младотроцкисты ко всем сочным определениям прибавили ещё и “сталинистский”. Из-за этого уволился мой помощник Илья Блувштейн, зато поэт Валентин Сорокин порекомендовал на работу своего знакомого по Высшим литературным курсам Глана Онаняна, сразу развившего бурную деятельность по созданию газеты “Литературная Евразия”, рассылаемой по республиканским писательским организациям.

Наши подметили, что гарь от обстрелянного здания Верховного Совета, замешанная на обожжённых трупах, резко отличается от запаха сгоревших папок с бумагами, книгами и портретами советских писателей на стенах, представленных фотолетописцем Союза писателей Николаем Кочневым за сорок лет творчества, вплоть до 1991 года. . . Хотя со времени поджога “Дома Ростовых” прошло достаточно времени, запах гари не выветривался, сколько бы сотрудницы ни устраивали сквозняки, распахнув настежь все окна и двери. Да и гипсовая фигура Афродиты, стоящая уже полтора века в нише на верхних ступеньках второго этажа, превращённая от копоти в гордую мулатку, нуждалась в реставрации, требующей миллионов рублей.

– Интересно, тревожили ли Панкина в ночь поджога привидения? – усмехнулся Жуков, направляясь со мной по тёмному коридору.

Вахтёр Панкин часто жаловался, что по ночам дух Ростовых – бывших владельцев дома – скрипит половицами, что-то бормочет, тяжело вздыхает, проклиная Октябрьскую революцию, экспроприировавшую их добро, – и чаще подобное случается в чердачных помещениях, где на стеллажах собраны папки с личными делами писателей.

– Наверное, привидения, листая писательские дела, не находят ни одного, равного по таланту Льву Николаевичу, оттого и ворчат, – шутливым тоном предположил Чуев.

В ночь пожара неизвестные спаивали вахтёра в скверике во дворе, а когда всё запылилось, Панкин сбежал и наутро лёг в психлечебницу, чтобы избежать наказания.

В кабинете Лариса Александровна стряхивала с бумаг на столе чёрную пыль, просочившуюся за ночь из коридора. Она и передала мне трубку зазвонившего телефона.

– Тимур Исхакович! – послышался в трубке глуховатый женский голос. – С вами говорят из Генеральной прокуратуры. Сегодня к двенадцати часам вы обязаны явиться к следователю Меленкевичу Антону Степановичу, улица Воздвиженка, кабинет тридцать два. . .

Зашёл бодрый, никогда не унывающий Чуев, чтобы сказать, что малярам нужна побелка, а столярам – доски для чердачных перекрытий.

Пока он говорил, мрачные предчувствия и мысли, сменяя друг друга, пронесли в моём сознании после звонка. Я кивнул Феликсу: мол, понимаю, – и машинально написал на бумаге свой ташкентский телефон. Объяснил, что вызывают в прокуратуру:

– Если задержусь надолго, позвони моим домашним, чтобы не беспокоились.

Я так устал за эти два года в Москве, что порой терял ясность мысли, и это отчасти спасало от страха и уныния. Зато Чуев, который всё схватывал с полуслова, объяснил, что к чему.

– Ещё их снайперы не покинули чердаки, а младотроцкисты уже настроили ложный донос... Я с тобой! В качестве общественного защитника...

Трогательная дружеская поддержка вернула мне чувство юмора.

– Если следователь заподозрит, что ты – сталинист, нас могут разделить. Мне – общего режима, тебе – строгого.

Воздвиженка оказалась недалеко от Поварской. Если бы не Чуев, я со своим топографическим идиотизмом кружил был вокруг да около и опоздал бы наверняка.

У самого входа в старинный особняк напротив библиотеки Ленина Феликс конкретизировал своё предположение, усмехаясь:

– Сочинили клевету в духе времени. Мол, на чердаке Союза писателей какая-то подозрительная деятельность – прячут оружие, а строители-реставраторы выдалбливают в подвалах бойницы, чтобы отстреливаться... А для прикрытия подожгли собственное здание...

Большое скопление разного люда внутри здания прокуратуры создавало ощущение обречённости, как бы ощущение зачистки поля боя после сражения. По изодранным казацким мундирам, по простецкой одежде мужчин и женщин, по угрюмому молчанию можно было догадаться, что эта разнородная публика ещё вчера стояла насмерть у Дома Советов. Заодно были согнаны несколько цыганок с детьми, бегающими по лестницам мимо сидящих на ступеньках арестованных, а также таджичек-попрошайек, которых я узнал по говору.

Над всеми густо витал запах пота, пороха, крови...

Проходя мимо дверей в поисках кабинета следователя, слышал крики, мат и вопросы: “Откуда автомат? В кого приказали стрелять?” – и фамилии: Руцкой, генерал Макашов...

Следователь Меленкевич оказался худощавым блондином с лицом скорее приятным, чем отталкивающим, что несколько успокоило, особенно после криков других вершителей судеб, выбивающих показания об оружии и “банде Макашова”.

Тесный кабинет, где, кроме Меленкевича, с трудом разместились мы с Чуевым, не только не задавил нас облезлыми, давно не крашенными стенами, а наоборот, создавал странное ощущение простора, – должно быть, домашней обстановкой на столе следователя, где, кроме бумаг, в которые он углубился, лежала краюха чёрного хлеба и недоеденная каша в миске – признак того, что разбор дел идёт круглосуточно, с интенсивностью революционного времени.

Пока Меленкевич вчитывался в бумагу, касающуюся меня, Феликс успел черкнуть несколько слов на книжке “Сто бесед с Молотовым” и положил её с краю стола. Следователь глянул на подарок Чуева и задал вопрос скороговоркой, как бы желая быстрее закончить разбирательство:

– Вы знакомы с товарищами Анфиногеновым, Черниченко, Савельевым, Оскоцким?

Чуев пронзительно глянул на меня, как бы подтверждая свою догадку о клеветниках, и шепнул:

– Тамбовский волк им товарищ...

Боясь, как бы Чуев не повернул допрос в ироническое русло, я ответил:

– Да, работал с ними какое-то время в Союзе писателей...

Меленкевич осуждающе покачал головой, непонятно, то ли в мой адрес, то ли в адрес написавших донос, и сделал пометку на листе.

– Вы не белорус, Антон Степанович? – вдруг простодушным тоном спросил Чуев – уловил поэтическим слухом оттенки славянского говора...

– Да, – кратко, но сердито ответил следователь, наверное, понимая, что подобную вольность в серьёзном разговоре допускают лишь раскованные творческие натуры. И пока в ворохе бумаг он нашёл нужную и углубился в чтение, Чуев не успокаивался:

– Мы видели – все коридоры, лестничные проёмы забиты задержанными, так что российские следователи не успевают заводить дела. И вас командировали из Минска... Интересно, сколько следователей на помощь Борису Николаевичу прислал третий беловежский зубр Шушкевич?

Меленкевич, дабы прекратить словоизлияния моего общественного защитника, в нетерпении полистал книжку Чуева и обратился ко мне:

– Чем вы занимались, начиная с 21 сентября, после выхода указа Ельцина № 1400 о прекращении деятельности Верховного Совета Российской Федерации?

Вопрос показался слишком общим, и, пока я обдумывал ответ, Чувев вновь вмешался:

– Тимур Исхакович был занят похоронами погибшей дочери...

Я машинально сделал защитный жест, запрещая Чуеву смешивать личную трагедию с доносом вышеупомянутых господ.

Меленкевич, кажется, впервые внимательно посмотрел на меня.

– Она погибла у “Белого дома”?

Чтобы снять дальнейшие расспросы на эту тему, я спросил:

– Чем по дням рассказывать? 20 сентября выступил с приветствием от писателей на Конгрессе народов СССР в театре МХАТ... 21 сентября обсуждали в Союзе писателей последствия указа Ельцина...

Следователь, уточняя вопрос, перебил меня:

– Ваш кабинет подключен к правительственной связи?

– Со времён Максима Горького... Но перед штурмом Верховного Совета связь отключили...

Меленкевич подчеркнул карандашом какой-то значимый абзац в доносе:

– Какие у вас отношения с арестованными Хасбулатовым Русланом Имановичем и Руцким Александром Владимировичем?

Чувев многозначительно глянул на меня, мол, вон куда притягивают...

– Хасбулатов в споре с Гайдаром по поводу имущества Союза писателей был на нашей стороне. А видел я его впервые весной этого года на встрече в Доме Советов с творческой интеллигенцией. У Руцкого с группой писателей был на приёме всё по тому же имущественному вопросу.

Пока Меленкевич, обдумывая что-то, пытался натянуть ускользающую нить следствия, за его спиной на столике раздался механический визг. Следователь перевернул бобину, на которой записывался наш разговор на большем, диктофонного вида магнитофоне.

– Ваши оппоненты пишут, что Союз писателей был заранее подготовлен как один из запасных штабов мятежников. Что вы на это скажете? – тоном утомлённого следователя, пропускающего через свой кабинет десятки подозреваемых за день, спросил Меленкевич. Хотя чувствовалось, что в отношении нас он в чём-то сомневается...

– Каким образом? – не выдержал и усмехнулся Чувев. – К нам тайно возили оружие? Во дворе оборудовали вертолётную площадку? Если это будет доказано, то я готов нести ответственность, поскольку работаю заместителем Пулатова год с лишним...

– Тимур Исхакович, на сегодня всё. Никуда не уезжайте из Москвы. Мы вас ещё пригласим. – Следователь глянул на часы, пряча бумаги в стол. И неожиданно заинтересовался, полистал бегло книжку Чуева: – Интересно, а чью сторону занимает наш классик Василь Быков?

– Судя по заявлениям, и ваш классик, и наш – Виктор Астафьев – на стороне победивших, – отметил холодным тоном Чувев, поворачиваясь к двери. – Нет, не милость к падшим он призывал...

Выйдя в коридор, где у дверей следователя уже стоял следующий – парень заводского вида в наручниках, – Чувев отметил:

– Следователь – варяг... С такими я сталкивался. Они бывают, как точнее выразиться, понятливей, что ли, ибо служат чужому правосудию...

– А мне кажется, что чужие дадут по максимуму – и уедут, не отвечая за предвзятость или ошибки...

Почему-то в моём сознании вызов следователя из братской Белоруссии увязался с высказыванием Юрия Воронина, зама Хасбулатова на Конгрессе народов СССР, за день до указа Ельцина о роспуске Верховного Совета: суть конфликта с Президентом в том, что депутаты отказываются, несмотря на шантаж и давление, придать законную силу Беловежским соглашениям. А без этого кто есть Кравчук и Шушкевич, подписавшие документ вместе с Ельциным? Поэтому они объединили и правосудие в один мощный карающий кулак.

В прескверном настроении возвращался я на Поварскую, обдумывая различные повороты этого кляузного дела. Но кого интересует нынче законность,

когда главный её страж — Конституционный суд — распущен, а его председателю, Валерию Зорькину, указавшему на неконституционность всех ельцинских указов, начиная с 21 сентября, грозят арестом? И опять по наводке писателей-младотроцкистов, поднявших против Зорькина кампанию в СМИ.

Из-за дополнительно навалившихся проблем стал я раздражительным, а порой и нетерпимым с людьми, в общем-то, не желавшими мне ничего плохого. Обхамил приехавшую к нам в Союз знаменитую лётчицу Марину Попович, утверждавшую, что во время обстрела Дома Советов над Москвой летал НЛО, наблюдая за тем, что совершают земляне. По сей день чувствую вину перед нею... Случались недопонимания и с Сергеем Владимировичем Михалковым, который, впрочем, пытался сгладить трения, понимая моё состояние. Был подчас нетерпим и к сотрудникам, сдержанно сочувствующим моему положению.

Тревога сотрудников была заметной, когда мы с Чуевым вернулись от следователя. “Что там? Как? Не закроют ли МСПС?” Это обсуждалось с тех пор, как апрелевский листок “Литературные новости” незадолго до октябрьского переворота напечатал очередной призыв к Ельцину: не либеральничать, не тянуть, а силой, если потребуется, разогнать “коммунофашистский” Верховный Совет. Думалось, зачем эти в общем-то средней руки писатели, вообразившие себя “совестью нации”, лезут *впереди бабки в пекло*? Разве без их призывов к крови Ельцин, патологически властолюбивый, сам бы не пошёл на весь этот беспредел ради сохранения кресла? Оказывается, общественно-идеологический фон для оправдания безобразий создавал не кто иной, как пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков, автор записок о событиях тех лет под двусмысленным названием “Роман с президентом” — с тем президентом, который, судя по телевизионной картинке, топил его или инициировал утопление в водах реки, подобно Степану Разину, утопившему персидскую княжну.

Думается, что и обращение 42-х “нерукопожатных” в “Известиях” от 5 октября 1993 года было инициировано угодливым пресс-секретарём Ельцина, хотя, может быть, он лишь поддержал самостоятельное творчество младотроцкистов и донёс их требования до Президента, который, по признанию Костикова, не любил читать газеты. Он-то, возможно, и уговорил гаранта Конституции принять на даче тех, кто по пунктам изложил сценарий, как растоптать Основной закон, словно клочок бумаги под ногами, получив добро на обнародование обращения под названием “Писатели требуют от правительства решительных действий”.

Куда уж более решительных, если по их призыву совершён государственный переворот и пролито столько крови сограждан!

Вот образец творчества младотроцкистов: “Нет ни желания, ни необходимости комментировать подробно то, что случилось в Москве 3 октября... Фашисты взяли за оружие, пытаясь захватить власть... И “ведьмы”, а вернее — красноречивые оборотни, наглей от безнаказанности... грязно оскорбляли народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняли, как они будут вешать всех нас... Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу...” — так начинается обращение 42-х “нерукопожатных” к Ельцину, что по тональности и даже стилистике напомнило мне прочитанную когда-то прокламацию немцев к жителям белорусского села с приказом выявлять в своей среде партизан: “Эти тупые свиньи уважают лишь силу перед тем, как поставить их под виселицей на общее обозрение...”

Странное родство тех и других, словно родившихся от одного духовного отца — Л. Д. Троцкого, заявлявшего: “Война, как и революция, основана на устраниении... Революция... убивает единицы, устрашает тысячи... сламытая их волю...” (“Терроризм и коммунизм”).

К устраниению и сломлению воли граждан подключилась в те дни вся либеральная пресса. “Городу требуется не трубка мира, а ЧК”, — взывала известная газета. И через несколько абзацев: “К чему, пардон, эти формальности буржуазного судопроизводства? Чрезвычайное положение чтит дух, а не букву закона...” (из статьи “Под сень надежную закона”. “Независимая газета”, 16.10.93).

“Требуется ЧК”? Теперь жалеют, что за два года до этого, в революционном ослеплении и экстазе, снесли с постаamenta главный символ Чрезвычайной Комиссии — Феликса Дзержинского.

Для нынешнего времени требуется другой символ, понятный для тех, кто в своей массе пережил Великую Отечественную войну. “Нюрнбергский процесс” — чем не символ возмездия? В истории человечества не было ничего более позорного и страшного после суда Божьего над Содомом и Гоморрой. И вот уже к чему призывали 42 “нерукопожатных”, конкретизировал один из них — Алесь Адамович 14 октября в “Московском комсомольце” в статье “Власть не должна валяться под ногами”. Среди прочего певец белорусских партизан, которых пытались устроить немецкие прокламации, писал: “Нюрнбергский суд впервые в истории утвердил до того не существующую юридическую норму — ответственность за подготовку и развязывание агрессивной войны. Прецедент существует, он теперь может быть использован, может работать на благо человечества. А вот подобной ответственности за развязывание (или попытку развязывания) гражданской войны пока никто не ощущает. Никого за это не судили. Так, может быть, суд над компанией, собранной в Лефортово, окажется именно таким прецедентом: судить их, прежде всего, за это преступление, самое, возможно, опасное в наше время — за попытку спровоцировать, развязать, опираясь на определённые организации и силы, гражданскую войну. Такой статьи нет в наших законах? И у нюрнбергских судей той статьи не было: за подготовку и развязывание агрессивной войны. А вот в результате Нюрнберга защищающая человечество статья появилась. А не мог бы наш суд над мятежниками сделать такой же подарок человечеству — дать пример, прецедент кары за подготовку и провоцирование гражданской войны?”

Демократ и либерал А. Адамович призывал вернуться к средневековому судилищу над ведьмами, когда инквизиторы определяли степень вины не по статьям, которых не было в юридических талмудах, а по цвету глаз, выражению лица, по исключенным волосам на головах, по запаху колдовских трав, которые почувствовали те, кто донёс на ведьм...

“14 октября в день публикации статьи мне позвонил Алесь Адамович и попросил показать её Президенту, — вспоминает В. Костиков. — Зная нерасположенность Бориса Николаевича к чтению больших газетных материалов, я рассказал ему о сути предложения и аргументации А. Адамовича. Зачитал ему те абзацы, которые особо отметил сам писатель. Идея привлечения мятежников к суду за попытку развязывания гражданской войны, похоже, привлекла Ельцина. Он мне так и сказал: “Со слуха идея понравилась...” (“Роман с президентом”. С. 46).

Пока младотроцкисты нашёптывали Ельцину о “русском Нюрнберге”, чтобы внедрить эту идею через слух в его сознание, мы с Чуевым обсуждали, кто из писателей пойдёт под суд, если русский Нюрнберг состоится: Ю. Бондарев, В. Распутин, А. Проханов, В. Белов, Леонид Леонов, Ю. Кузнецов, В. Кожинов, И. Шафаревич, П. Проскурин — все 74 писателя, выступивших с обращением к гражданам, одни — со “Словом к народу”, другие — с письмом, опубликованным в “Литературной России” 2 марта 1990 года, получившим название “О русофобии”.

В те дни Феликс Чуев появлялся на работе, нацепив на лацкан пиджака звезду Героя Советского Союза, которой наградила его Сажи Умалатова, создавшая какой-то комитет. Феликс бравировал Звездой в ожидании очередного вызова меня к следователю Меленкевичу, чтобы произвести на него впечатление. И ещё он говорил:

— Если потащат на “русский Нюрнберг” как сталиниста, так пусть с музыкой, — и позвякивал медалью.

Но Ельцину, по наущению младотроцкистов подведшему Россию к трагедии и позору — расстрелу парламента, всё-таки хватило ума не подвергать страну ещё большему позору. Ведь за Россией тогда, наряду с гитлеровской Германией, на веки веков закрепилось бы название “фашистская”. О чём нынче очень сожалеет В. Костиков, утверждая: “...К сожалению, эта идея не получила никакого развития. А ведь её реализация могла бы дать такой же результат, как при денацификации послевоенной Германии”.

Далее тогдашний кремлёвский пресс-секретарь в том же “Романе с президентом” вспоминает: “Мэр Москвы Ю. М. Лужков, пользуясь благоприятным моментом, сделал отчаянную попытку осуществить свою (и не только свою) давнюю идею вынести из кремлёвского Мавзолея мумию Ленина. Был даже приложен проект президентского указа. Не берусь судить, правильно ли поступил Президент, уклонившись от реализации этой идеи или нет...”

С того времени в обществе витают две сакральные идеи, без которых, как утверждается, Россия не освободится от груза прошлого и не пойдёт по пути процветания. Жгучая либеральная идея – вынос Ленина из Мавзолея и предание его земле. Вторая – легитимизация власти, о чём говорили в 2012-м беспокойном году. Ведь власть при любых исходах выборов будет подозреваться в том, что несёт на себе “печать нелегитимности”, если не осудить события 91–93 годов прошлого века, когда власть удержалась только путём государственного переворота. С того времени, включая и выборы Ельцина в 1996 году, власть постоянно под подозрением... В какой форме это будет сделано, чтобы успокоить души невинно убиенных, души миллионов ставших нищими людей, души стариков и детей сирот, отчаявшихся, потерявших веру в справедливость?..

Может быть, это сделает Православная Церковь, чтобы успокоить истерзанную душу России?

“... Ведь если прольётся кровь и погибнут сотни героических защитников демократии в Доме Советов, в том числе и трое православных священников, то их кровь окажется на Вашем белоснежном облачении, окажется на Вас, как на архипастыре миллионов и миллионов православных. Помните, что приказ о развязывании бойни и, следовательно, кровавой гражданской войны могут отдать только двое – Б. Ельцин и Ю. Лужков, которых Вы недавно благословляли в храме Христовом на глазах десятков миллионов телезрителей. Отзовите своё благословение. Пригрозите предать анафеме...” – с таким словом обратились деятели культуры к Патриарху Алексию II 2 октября 1993 года на страницах газеты “Советская Россия” накануне кровавой бойни, когда пролилась первая кровь.

Призыв к главе Церкви, который подписали композитор Георгий Свиридов, кинорежиссёр Сергей Бондарчук, писатель Валентин Распутин, поэт Станислав Куняев, народная артистка Татьяна Доронина, академик Игорь Шафаревич, кинорежиссёр Станислав Говорухин и другие, этот призыв актуален и в наши дни, когда начался очередной всплеск либерального глумления над православной и – равно – мусульманской религиями.

А пронзающий душу текст Завещания, составленный несломленными защитниками Дома Советов, – лишнее напоминание о том, какой ужас может твориться, если придерживаться или ложно принимать принцип, скопированный с установок либеральных западных демократий: “Церковь и государство отделены друг от друга”, – когда цель и средство государства и Церкви одно и то же – человека нельзя разделить на “человека государственного” и “человека религиозного”.

Вот этот текст:

“Братья, когда вы прочтёте эти строки, нас уже не будет в живых. Наши тела, простреленные, догорят в этих стенах. Мы любили Россию. Мы хотели, чтобы на этой земле восстановился, наконец, тот порядок, который определён Богом. Да, умирать страшно. Однако что-то поддерживает нас. Кто-то невидимый говорит: Вы кровью очистите свою душу, и теперь сатана её не достанет. И погибнув, вы будете гораздо сильнее живых. В наши последние минуты мы обращаемся к вам, граждане России. Запомните эти дни. Не отводите взгляда, когда наши обезображенные тела будут, смеясь, демонстрировать по телевидению. Запомните всё... Дом Советов. 04.10.93”.

Обезображенные тела священников по телевидению не показывали, желая поскорее стереть из памяти людей преступления правящего режима. Ксенофобы и наветчики поняли: погибший за веру будет гораздо сильнее живого.

... Кровавый след тянется из того Чёрного Октября 1993 года, от той бойни вплоть до наших дней. И спустя почти два десятилетия я, один из свидетелей тех событий, отвечаю всем невинно убиенным, и в их числе священникам: мы помним эти дни, знаем, откуда пришли все сегодняшние наши беды.

Р. С. 23 февраля 1994 года, после сделки между Государственной Думой и Б. Ельциным о скорейшем забвении кровавого переворота, было обнародовано постановление об амнистии участников событий августа 1991 и октября 1993 годов. На следующий день мне позвонили из Генеральной прокуратуры и сообщили: следствие в отношении меня, якобы пособника Р. Хасбулатова и А. Руцкого, прекращено за отсутствием улик.